

ГВАРДИИ ЮНГА

Евг. Николин

Рассказ

Рисунки Н. Лямина

Альке снится сон.

Будто дядя Коля, моторист с бронекатера, спрашивает его, Альку:

— А ну, скажи, юнга, почему моряки носят тельняшки?

Алька вчера впервые в жизни надел новеньющую матросскую рубаху. Синие полосы на ней — ярко-ярко-синие, а белые — совсем белоснежные. И ткань плотная, приятная наощущение. Он даже во сне ощущает это.

— Не знаю, дядя Коля, — отвечает Алька. Он хотя и спит, но хорошо помнит, что дядя Коля — никакой и не дядя, а гвардии старший матрос Потапов. Дядей Колей его зовут потому, что он старше всех на катере. Но «на службе» — Альке очень нравится это слово: «на службе» — к нему так обращаться нельзя. Надо по уставу: товарищ гвардии старший матрос. Это Алька уже освоил.

Еще он помнит, хотя и спит, что теперь тоже служит на бронекатере юнгой. Служит вместе с отцом. Это такое счастье, что Алька даже улыбается во сне.

Вообще Алька многое узнал за первый день, который провел на бронекатере. Знает Алька и почему моряки носят тельняшки. Дядя Коля ему сам — не во сне, а на самом деле — все объяснил. Но в снах всегда все бывает как-то

странны. Хочешь руку поднять, а она не поднимается. И тут Алька тоже отвечает:

— Не знаю, дядя Коля.

— Тогда слушай и запоминай. Каждый юнга это должен знать.

И рассказывает, что давным-давно, когда не было ни паровых машин, ни моторов, ни дизелей, все корабли плавали под парусами. Паруса на высокие мачты с реями крепили матросы. Залезут матросы высоко-высоко. И не видно их, в белых рубахах, на фоне белых парусов. Не видно, сколько их, как у них работа идет, какая им опасность грозит. Тогда и решили: носить всем морякам полосатые тельняшки. В таких матросы не потеряются из виду.

— Юнга, подъем! — слышит он совсем над ухом и не может понять, кому принадлежит этот голос.

Перед рундучком, на котором постель Альки, стоит матрос Алексей Куликов. С ним только вчера познакомился Алька. Куликов показывал Альке весь корабль «от киля до клотика», а потом привел его в кубрик, — так называется жилое помещение для матросов, — подвел к рундуку и сказал:

— Здесь спать будешь. Ясно?

— Ясно, — мотнул Алька головой.

— Комсомолец?

— Нет еще, — смущался Алька. — Пионер.
— А чего ты смущаешься? — устыдил его Куликов. — Пионер — всем ребятам пример. Так, что ли? Значит, придется тебе быть образцовым юнгой на нашем корабле. Ясно?

— Ясно, товарищ гвардии матрос, — ответил Алька, вытягивая руки по швам.

— Хорошо, юнга, хорошо, — оценил Куликов Алькину исправку, и Алька подумал, что с ним он подружится. Ведь Куликов почти такой же молодой. Ну лет на пять-шесть старше.

И вот теперь Алеша Куликов стоял перед Алькиным рундуком, а юнга вытаращил на него глаза и от удивления не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Вчерашний матрос Куликов в серой брезентовой робе, конечно, отличался от сегодняшнего — в синей форменке и черных брюках с тщательно отглаженным рубчиком. Но не это удивило Альку. На груди матроса, на маленькой алой планочке висела золотая звездочка Героя, а рядом — орден Ленина.

— Ну, что глаза вытарашил, будто иллюминаторы? — потерял терпение Куликов. Потом вдруг стал сразу серьезным и скомандовал: — На зарядку становись!

Алька выскочил из-под одеяла и начал быстро одеваться. Он никак не мог оторвать глаз от груди Куликова.

— Так, значит, вы — герой?..

— Герой, герой! — весело закричал Куликов. — И ты станешь героем, если не будешь долго под одеялом нежиться. Марш на зарядку!..

Алька, оглядываясь на Куликова, заторопился к трапу...

После зарядки вся команда построилась вдоль борта корабля. И на соседних катерах, которые стояли далеко один от другого, команды тоже построились. Алька стоял «на левом фланге» и не сводил глаз с героя.

На палубу вышел командир бронекатера лейтенант Чернозубов. Вахтенный Куликов подошел к нему четким шагом и доложил:

— Товарищ лейтенант, команда бронекатера 92 построена к подъему флага.

Лейтенант поздоровался с командой и, выйдя на середину, скомандовал:

— На флаг смирно! Флаг поднять!

Алеша Куликов уже стоял у мачты и, как только раздалась команда, стал поднимать флаг. Замер весь экипаж.

С реки налетел ветер, распахнул бело-голубое полотнище флага, и Алька увидел на нем красную звезду, серп и молот и гвардейскую ленточку. Флаг развернулся и заполоскал на ветру. У Альки защипало что-то в горле. Но

он только крепче сжал кулаки и зубы. И дал клятву. Сам себе. Так воевать, чтобы сгинула с советской земли вся фашистская нечисть.

* * *

В крошечной каюте-компании с узеньким столиком, привинченным к полу, и такими же узенькими диванчиками вдоль стен — страшно тесно. Сидеть за столом приходится, плотно прижавшись друг к другу. Но никто из команды на тесноту не в обиде. Даже как-то дружнее и веселее за столом, будто собралась здесь одна семья.

Алька сидит тихо-тихо, зажатый между старшиной разведчиков Канаравым и старшиной комендолов Насыровым. У Насырова очень трудное имя-отчество: Набиула Насибулинович. Алька для тренировки произносит его про себя по слогам.

Насыров очень хороший человек. Это видно по глазам. Они у него добрые и внимательные. Насыров — не только командир отделения, он еще парторг катера. Все его очень уважают, и даже лейтенант Чернозубов с ним советуется, как проводить ремонт, кого послать принимать боекомплект.

Катер только вчера, перед тем как Алька попал на него, вернулся с боевого задания. Бражеским снарядом была повреждена носовая башня, пулями и осколками изрыта вся надстройка. Алька сам видел пробоины. Теперь взрослые говорят о том, как заделать их, и Алька сидит тихо-тихо, чтобы вдруг его не попросили покинуть кают-компанию, где идет такой серьезный разговор об автогенной сварке, о металле, снарядах...

Потолок низко навис над беседующими, и, чтоб не было душно, дверь на палубу оставили открытой. Альке не везет: в самом интересном месте разговора, когда взрослые стали вспоминать подробности последнего боя, с палубы доносится голос Куликова:

— Юнга Ольховский, ко мне!

Альке смерть как не хочется уходить из каюта-компании, и он секунду медлит. Но лейтенант Чернозубов вдруг умолкает и лезет в карман за портсигаром. Разговор прерывается. Никто не смотрит на Альку, даже отец, который сидит напротив. Но Алька вдруг понимает, что все ждут, как он поступит. Алька мучительно краснеет и говорит Канараву:

— Разрешите выйти, товарищ гвардии старшина второй статьи.

— Пожалуйста, юнга, — отвечает равнодушно Канарав и встает, чтобы выпустить Альку из-за стола.

— Позавтракал? — встречает его Кули-

ков. — Ну, тогда начнем нашу боевую подготовку. Будем морскую науку изучать. — Куликов протягивает Альке кусок кирпича. — Хорошенько растолки его и продрай рынду. — Он показывает на колокол, висящий на самом носу катера.

— Ясно?

— Ясно, — вздохнул Алька.

Чего уж тут неясного. Натолок Алька кирпичного порошку. Трет рынду, придерживая рукой ее язык, чтобы не бухнула ненароком раскатистым звоном на всю реку, а самому ох как тошно.

И правда, чего ради он стремился на катер? Чтобы воевать, чтобы мстить проклятым фашистам, а тут чисти позеленевшую медяшку...

Горько Альке. Ожесточенно трет он круглые бока рынды.

И почему он родился так поздно? Все его считают маленьким. Даже Куликов. А сам-то давно, что ли, маленьким был?

Альке почему-то вспоминается Ленинград. Вспоминается таким, каким он оставил его, уезжая вместе с матерью, братом и сестрой в эвакуацию. Отец ушел на фронт добровольцем. Город был притихший, настороженный, ощетинившийся надолбами. Укрепления вокруг Ленинграда строили все горожане. Строила их и мать Альки. Далеко теперь мать с братом и сестрой — в Костромской области. Далеко и родной дом, школа на Курляндской улице. Может, и в нее угодил фашистский снаряд или бомба?..

Нет, все-таки это несправедливо, что ему, Альке, не доверяют настоящего мужского дела.

— Юнга, хватит, хватит! Так ты в рынде дырку пропрешь! Смотри, как сияет!

Алька поворачивается к Куликову и угрюмо смотрит себе под ноги, молчит.

Некоторое время молчит и Куликов. Потом с притворным сочувствием спрашивает:

— Ты чем расстроен, юнга? Может, мозоль натер? Так мы сейчас тебя в лазарет.

Ну, уж это слишком! Алька мозолей не боится. Он не маменькин сыночек. В эвакуации в интернате и пахать приходилось, и дрова заготовлять, да и мало ли что еще.

— Мне мозоли натирать не надо, — говорит Алька сдавленным голосом. — У меня уже есть.

Куликов берет его ладони в свои, внимательно рассматривает Алькины рабочие мозоли, а потом говорит уже серьезно и так задушевно, что у Альки внутри что-то вздрагивает:

— Так что же ты загрустил, Олег-Олежка?

Алька молчит, потом говорит, совсем потрясенный:

— Это что ж, я всегда буду, выходит, драить медяшки? А к пулемету меня и на выстрел не подпустят?

— Ах, вот ты о чем, — сочувственно тянет Куликов, кивая головой. — Так ведь командир с твоим батькой порешили сделать тебя сигнальщиком.

— Знаю, — пренебрежительно говорит Алька.

— Ну, это ты брось, — возмущается Куликов. — Знаешь, да не все. Сигнальщик в бою — правая рука командира. Неправильно примет приказ — и пиши пропало. А если сигнальщик хорошо свое дело знает, четко связь держит — значит, половина победы уже наша. Ясно?

— Ясно, — мрачно отвечает Алька.

— То-то же, — наставительно говорит Куликов. Потом наклоняется к Альке и заговорщическим шепотом продолжает: — Ну, а с пулеметом мы так оборудуем дело. Если у тебя семафорная азбука пойдет на лад, то потихоньку и пулемет осваивать начнем. Но семафор должен знать на отлично. Ясно?

Алька не смеет поверить своему счастью. Он готов броситься на шею Куликову.

— Ясно, товарищ гвардии матрос! — выпаливает он во всю силу легких. — Учите меня семафору.

Вместе они идут в рулевую рубку. Там Алькин шеф вручает ему пару красных флагов и таблицу. На таблице краснофлотец с двумя флагами в руках. Его руки в разных положениях, и каждое такое положение означает букву алфавита и всякие специальные знаки.

С таблицей и флагами Алька отправляется на бак.

Изучать флаговой семафор просто и сложно одновременно. Например, буква «т» в семафоре очень похожа на обыкновенную букву «т». Краснофлотец раскинул обе руки с флагами в стороны на уровне плеч — и все тут сразу ясно.

Это даже интересно.

Буквы «а», «т», «у» Алька сразу запомнил, а с остальными дело хуже. «Б», «в» — совсем ни на что не похожи.

Посмотрит Алька в таблицу и сам изобразит знак флагами. Прошепчет:

— Жэ.

Постоит немного, запоминая букву, и опять в таблицу заглядывает.

— Зэ.

Наладилось дело.

До того наладилось, что к вечеру Алька слова стал составлять из букв, а потом даже целые предложения.

«Я буду изучать пулемет»

«Я буду комендором»

«Смерть фашистским захватчикам».

Так жить можно.

* * *

С утра у Альки полон рот забот. То почистить медяшки, то подкрасить надстройку, то сплести из обрывков старых тросов коврик под ноги.

На палубе работы нет — можно к дяде Коле в моторный отсек спуститься. Там еще интереснее. Алька помогает старому мотористу чистить и смазывать моторы, присматривается, как их надо готовить к пуску, запускать. В другое время Алька с удовольствием пошел бы в мотористы. Но не теперь. Теперь надо изучать пулемет.

И каждый вечер Алька пропадает в носовой башне, где стоит крупнокалиберный пулемет Алексея Куликова. Вместе они его то разбирают, то собирают, то заряжают, то разряжают. Комендор учит Альку прицеливанию, приговаривает:

— Ты, главное, не волнуйся. Спокойно так подводи мушку вровень с прорезью прицела и на гашетку жми тоже спокойно. Успех гарантирован.

Алька старается. И не зря. На последних учебных стрельбах у него были отличные результаты. Лейтенант Чернозубов благодарность объявил.

— Служу Советскому Союзу! — ответил тогда Алька.

...Алька несет вахту по катеру. Все, что надо было, он уже сделал. Теперь сидит и наблю-

дает за соседним катером. Оттуда может прийти вызов.

Хорошее у Альки настроение.

За последний год наши войска здорово подняли на гитлеровцев. Блокада с Ленинграда окончательно снята, и фашистов далеко погнали на всех фронтах. Флотилию, на которой служит Алька, перевели с Волги на Днепр. Это что-нибудь да значит. Скоро конец Гитлеру. Конец войне.

Кончится война. Соберется вся семья в Ленинграде. В родном доме. Геннадий и Лида, наверно, выросли, не узнать. А мама постарела...

Первым делом надо будет сходить на Курляндскую, в свою 288-ую школу. Пока Алька от своих не отстал. Старшине Насырову спасибо. Он не только посоветовал Альке продолжать занятия на катере, но и достал где-то нужные учебники. Когда в Киеве были, Алька за седьмой класс все экзамены сдал. Теперь за восьмой приниматься надо.

На соседнем катере, стоящем за излучиной и совсем скрытом деревьями, так, что из-за них торчат только верхушка надстройки да мачта, крохотными красными язычками вспыхнули огоньки флагжков. Вызывают.

Алька взял бинокль, флагжи. Одной рукой, как заправский сигнальщик, дал отмашку: «Вижу, понял».

«Командира девяносто второго к флагману», — разобрал по буквам и снова ответил: «Вижу, понял».

...Лейтенант Чернозубов вернулся с флагманского катера через полчаса и отдал приказ готовиться к походу.

Прошло еще полчаса, и катер с разведчиками на борту, глухо урча моторами, отвалил от берега.

На реку уже спускались сумерки. Мешаясь вдали с туманом, они густели, превращались в ночь. В эту ночь шел катер. Без единого огонька на борту, с приглушенными двигателями, медленно двигался он к намеченной точке, и только командир в рубке знал, где она, эта точка.

Несколько раз машину глущили совсем. Тогда тишина кругом стояла такая глухая, что Алька слышал даже собственное дыхание и сдерживал его.

Он стоял по боевому расписанию около рубки, чтобы быть под рукой у командира. Когда двигатели замолчали еще раз, командир притянул Альку к себе.

— Передай разведчикам: пусть приготовятся к высадке. Подходим. Тихо.

Едва Алька успел передать приказ старшине Канарееву, как под днищем катера что-то

заскрежетало, и нос его ткнулся в берег. Разведчики сразу исчезли в прибрежных кустах, словно и не было их на катере.

Как фокусники. Такие не пропадут.

Казалось, все обошлось как нельзя лучше. Разведчики высажены и высажены скрытно. Катер не спеша задним ходом выбирается на середину реки. Сейчас он ляжет на обратный курс и — все в порядке. Но в это время откуда-то вылетела шальная ракета и, повиснув высоко в небе, засияла ярким светом реку, катер, все кругом.

С берега сразу же отзывались пулеметы, взлетели ракеты. Стало светло как днем. Только свет был неприятный, какой-то колеблющийся, призрачный.

— Эх, не повезло, — сказал уже в полный голос командир и скомандовал: — Полный вперед! Пулеметам подавить вражеские огневые точки!

Пулеметы бронекатера будто только и ждали этой команды, заработали торопливо и громко, направив пучки трассирующих пуль туда, где вспыхивали выстрелы гитлеровцев.

«На себя внимание отвлекает, — понял Алька. — Разведчикам помогает. Молодец командир».

Маневр удался. Весь вражеский огонь сосредоточен на катере. А там, где с него высажились разведчики, все тихо и спокойно.

Задача выполнена. Потерь на катере нет. Пули гитлеровцев свистят где-то над головой. Теперь самое время уходить.

Но не тут-то было. На вражьем берегу вспыхнул прожектор, нащупал катер, и сразу фашистские пулеметы стали бить точнее, над поверхностью воды хлюпнула одна мина, вторая. По надстройке забарабанили пули и осколки.

Становилось жарко. И тут в носовой башне замолк пулемет.

Алька в два прыжка оказался рядом с ним. Алеша Куликов сполз на палубу. Алька наклонился к нему и услышал:

— Прожектор... Дави... Быстрее...

Будто живой, забился в руках у Альки пулемет, но Алька сразу смирил его, смирил и себя.

Спокойно, спокойно.

И стал старательно ловить в прорезь прицела слепящий глаз прожектора. Раз — неудачно. Два — неудачно. На третий раз — потухло проклятое око. Ослепли гитлеровцы. И сразу сталотише кругом.

Катер выходил из боя...

На следующий день к подъему флага вышли не все. Алешу Куликова, тяжело ранен-

ного, еще ночью, сразу после возвращения на базу, отправили в госпиталь.

Правая рука командира катера висела на перевязи, и он не отдавал, как всегда, чести поднимающемуся флагу, а просто стоял, вытянувшись по стойке «смирно», и держал равнение на флаг.

Когда флаг был поднят, лейтенант Чернозубов сделал шаг вперед.

— Гвардии юнга Ольховский!

Алька вышел из строя.

— За отличную стрельбу в ночной операции представляю вас к правительенной награде.

Алька хотел было ответить, как полагается по уставу: «Служу Советскому Союзу», но командир еще не кончил.

— Примите пулемет временно выбывшего из строя Героя Советского Союза Куликова.

Что-то перевернулось в душе у Альки. Забыл Алька все уставные слова и вместо них сказал дрогнувшим голосом:

— Товарищи, клянусь... всегда мой пулемет будет в полной боевой готовности, всегда будет разить врага. Я отомщу фашистам за Куликова... за все...

После обеда на «92-м» появился Петр Ефимович Ольховский, отец Альки. Он был флагманским механиком и постоянно кочевал с одного катера на другой: всегда требовалось что-то отремонтировать, устранить повреждения после очередного боя. В последнее время они редко виделись с Алькой и то все урывками.

— Мать волнуется, что мы редко пишем, — сказал отец. — Я тут небольшую цидулю сочинил, так ты добавь от себя несколько слов.

Алька взял листок, побежал глазами и вдруг покраснел. Ни слова не говоря, он вынул карандаш и стал что-то вычеркивать из письма. Потом поднял глаза на отца:

— Не надо, пап, писать, что меня представили к награде. Во-первых, только представили пока. И потом я еще так мало сделал...

Петр Ефимович внимательно посмотрел на Альку:

— Повзросел ты, сын. Ну, смотри сам, тебе виднее. Не надо, так не надо.

* * *

— По местам стоять! — послышалась команда. Алька бросился к своему пулемету.

Командир проверял готовность катера к походу. Строго, но справедливо проверял. Такой уж был лейтенант Чернозубов.

В Алькиной башне все было в порядке. Да и как не быть, коли весь дивизион тщательно готовился к походу целых три дня. Намечалась ответственная операция. И хотя еще никто на катере, кроме командира, ничего не знал, это чувствовалось в самом воздухе.

Когда на реку спустились сумерки, командир собрал всех в кают-компанию и рассказал о боевой задаче.

Обстановка сложилась такая.

Под Пинском гитлеровцы создали прочную оборонительную систему. Они, как кроты, зарылись глубоко в землю и мертвый хваткой

цепляются за каждый ее вершок, за каждую выбоину.

Командование решило для овладения городом использовать речную военную флотилию. Замысел прост: нанести удар с той стороны, откуда враг не ждет его, — с реки. Ошеломить, отвлечь гитлеровцев десантом и тем временем начать наступление с суши.

— Теперь вы понимаете, товарищи, что от наших действий зависит успех крупной операции, — сказал командир. — Не подкачаем?

— Не подкачаем, — ответил за всех Насыров и оглядел собравшихся в кают-компании. — Верно, юнга?

— Верно, товарищ гвардии старшина, — громко ответил Алька, и все засмеялись.

...Небо будто обтянули черным бархатом —

такой темной была июльская ночь. Катера по-одному запускали двигатели и выходили на фарватер. «92-й» шел одним из первых.

Алька стоял у носовой башни, в любую минуту готовый открыть огонь. Тишина залегла кругом, будто все это происходило не на войне. Будто ровный, мягкий гул не от двигателей боевого корабля, а от прогулочного речного трамвайчика.

Корабли незаметно подошли к берегу. Началась высадка.

Первыми на берег сошли разведчики. Они должны были проделать проходы в минных полях. За ними двинулись бойцы-десантники.

Медленно тянулись минуты. Сейчас разведчики должны уже подходить к первым траншеям гитлеровцев.

Сейчас... вот-вот...

И вдруг оглушительный взрыв разорвал тишину.

Кто-то нарвался на мину.

Взрыв, пожалуй, и не был так силен, просто он показался оглушительным в той тишине, какая залегла на берегу. Вслед за взрывом длинно затрещал пулемет, ему вторил другой, и началось...

И все-таки фашисты были застигнуты врасплох.

После двухчасового боя десантники закрепились на берегу. Можно было считать, что операция проведена успешно. Катера отошли за излучину реки.

Однако гитлеровцы не хотели мириться с потерей важного для их обороны плацдарма. С утра они пошли в контртаку.

Десантники отбили ее. Но гитлеровцы лезли на наши позиции не переставая. Двенадцать атак следовали одна за другой. Двенадцать атак не принесли врагу успеха. Против горстки советских бойцов уже действовали минометы, самоходные орудия. Туго приходилось десантникам.

В это время и вышел из-за поворота реки «92-й». Шквал огня обрушился на воду. Справа и слева от катера вырастали прозрачные столбы, с треском лопались огромные пузыри. Вода в реке закипела от пуль, снарядов, мин.

«92-й» шел полным ходом, поливая из пулеметов гитлеровцев. Алька, яростно сжав ручки своего пулемета, старательно, как его учили, сажал на мушку неровные ряды наступавших врагов и давил на гашетку.

— За Куликова, — шептал он. — За Родину! За Ленинград! Вот вам за все, гады!

Бил Алька метко. Он не знал, сколько времени прошло: минута или десять. Но вот ряды гитлеровцев сломались, покатились назад. Атака захлебнулась.

Алька перевел дух, разжал уставшие руки.

Неожиданно под самым бортом раздался взрыв. Катер сильно кинуло в сторону. Алька едва удержался на ногах. Он обернулся и увидел, что командир лежит на палубе. А у штурвала стоит отец. Из-за грохота не слышно было, что он крикнул, но Алька понял по движению губ:

— Давай, сынок, давай!

И в это время новый взрыв — прямое попадание в катер. Отец упал. Алька бросился к нему, рванул бушлат на его груди, припал ухом — и ничего не услышал...

Гитлеровцы снова пошли в атаку.

Не управляемый никем катер, накренившись на правый борт, описывал круги по реке, а Олег стоял у своего пулемета и, приоравливаясь к крутым петлям катера, все бил и бил по врагу.

Бил, сколько себя помнил.

Он не расстался с пулеметом и после смерти.

Упал возле него. А пальцы будто все еще сжимали теплые рукоятки пулемета.